

ТРЕБУЮТСЯ!

КОМИССИЕЙ ИСТМИЙСКОГО КАНАЛА

4000 ТРУДОСПОСОБНЫХ РАБОТНИКОВ
ДЛЯ ПАНАМЫ

ДВУХГОДИЧНЫЙ КОНТРАКТ

БЕСПЛАТНЫЙ ПРОЕЗД В ЗОНУ КАНАЛА
И ОБРАТНО

БЕСПЛАТНОЕ ПРОЖИВАНИЕ
И МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ

РАБОТА В РАЮ!

СТАВКИ ОТ 10 ДО 20 ЦЕНТОВ В ЧАС

ЗАРПЛАТА ВЫДАЕТСЯ ДВАЖДЫ В МЕСЯЦ

ОБРАЩАЙТЕСЬ В ВЕРБОВОЧНЫЙ ПУНКТ
НА ТРАФАЛЬГАРСКОЙ ПЛОЩАДИ

ВСЕ ОБРАТИВШИЕСЯ ПРОХОДЯТ
МЕДИЦИНСКИЙ ОСМОТР
И ВАКЦИНАЦИЮ

Дж. М. ГРАСЛИ
Представитель К. И. К.
1907

Где-то неподалеку от тихоокеанского побережья Панама, в спокойной голубой воде залива сидел в своей лодке Франсиско Аквино. Лодку он смастерил своими руками из ствола кедра, который ободрал и выдолбил одним каменным теслом да кривым ножом, обтесывая и вытачивая, оглаживая рукой каждую поверхность и изгиб, и снова обтесывая и вытачивая, пока не превратил это кедровое бревно в самую, как он считал, великолепную лодку на всем море.

Франсиско сидел, держа на коленях весло. Возле босых ног, упирившихся в дно лодки, стояли катушка и деревянное ведерко, которым он вычерпывал воду, когда ее набиралось больше, чем следовало. За борт свисала сеть.

Каждый день, кроме воскресенья, Франсиско вставал до рассвета, шел на берег и отвязывал лодку от колышка. Он греб навстречу волнам и, отойдя достаточно далеко, закреплял узлы на сети и опускал ее. Затем греб снова, медленно, прислушиваясь к плеску воды каждый раз, как вынимал и опускал весло. Он должен был двигаться с нужной скоростью, чтобы хорошенько натягивать сеть. Слишком замедлишься — и рыба не поведется. Слишком ускоришься — и спугнешь ее. Требовался тонкий расчет, но Франсиско рыбачил в этих водах большую часть жизни и знал, что к чему.

С востока подул ветерок, заиграв полями его шляпы. Лодка мягко покачивалась с бока на бок. Он ждал удачного момента, чтобы сняться с места. Вода ему подскажет. Франсиско подтолкнул ногой ведро, затем пододвинул обратно. Над головой кружили птицы. Он раскрыл ладони и стал рассматривать свою грубую, мозолистую кожу. Когда-то, давным-давно, дождливым днем, пронизанным солнечными бликами, Эсме взяла его руки в свои и повернула ладонями вверх. «Здесь карта, — сказала она ему, — в линиях твоей ладони». — «Карта чего?» — спросил он. А что она ответила? Он всегда пытался вспомнить и никак не мог.

Франсиско сжал пальцы в кулаки и вздохнул. Кругом простирался бесконечный океан, сверкая в лучах раннего солнца. Его лодка кренилась и покачивалась в тишине.

Зрение его, к сожалению, было уже не тем, что прежде. Франсиско прищурился на горизонт, туда, где однажды, надо полагать, выстроятся вереницей корабли в сотню раз крупнее его лодочки, ожидая своей очереди переплыть через Панаму. Он хохотнул. Вздор, да и только, что-то немыслимое. Каждый моряк и мореплаватель, высаживавшийся на этих берегах, мечтал, что настанет день, когда корабли смогут проходить от океана к океану через Панаму, хотя как именно они рассчитывали перебраться от берега до берега, оставалось лишь гадать. Как ни крути, на пути у них лежал горный хребет великих Кордильер, проходящий прямо через перешеек, и, о каких бы чудесах ни наслушался Франсиско за всю свою жизнь, он сроду не слышал о корабле, способном проплыть сквозь гору. Значит, разрежем горы, говорили они,

сломаем хребет, и, как только это сделаем, вода обоих океанов хлынет с каждой стороны и образует пролив. Бредовый сон. Чтобы там, где миллионы лет была сплошная земля, заплескались два океана. Да кто поверит в такое?

Франсиско приподнял край шляпы и прищурился еще сильнее, пытаясь разглядеть призрачные очертания пароходов, шхун, линкоров и лодок — всех тех судов, которые, как клялись эти люди, потянутся сюда. Он сидел над водной гладью и всматривался в даль, но никаких кораблей не видел — лишь ослепительно-голубое небо. Возможно, подумал он, его проблема в том, что человеку нужна вера, чтобы видеть вещи, которых не существует, чтобы представить себе мир, который еще не создан. А свою веру Франсиско утратил давным-давно, как и многое другое.

С атлантической стороны Панамы, примерно посередине извилистого побережья, в порт Колон входило судно. Это был колесный пароход Королевской почты с высокими белыми мачтами, он шел с Барбадоса, приняв на борт порядка двадцати трех тысяч писем, лежавших на нижней палубе, и порядка восьми сотен пассажиров, стоявших на верхней. Большинство были мужчинами из Сент-Луси, Сент-Джона, Крайст-Чёрча и прочих приходов, разбросанных между ними. Они стояли на палубе в своих лучших костюмах, сбившись плечом к плечу, сжимая в руках жестяные кофры и саквояжи, и пылали лихорадочной надеждой.

Среди них на палубе сидела, обхватив руками колени, шестнадцатилетняя Ада Бантинг. На корабле она была впервые в жизни и все шесть дней пути просидела, прячась за двумя ящиками с курами, стоявшими на черном пароходном рундуке, и молясь, чтобы ее не нашли. Утром, перед тем как сбежать из дома, она написала записку на старой школьной дощечке и оставила на кухонном столе, где ее точно увидит мама, когда встанет. Записка не сообщала почти ничего, кроме того, что она отправилась в Панаму. Затем, на рассвете, Ада оделась в свою садовую одежду — потрепанные брюки и блузку на пуговицах, — закинула на плечо холщовый мешок

с провизией, дошла до пристани и сумела в суматохе и толчее незаметно проскользнуть на корабль.

Все время, что куры не спали, они безостановочно кудахтали, верещали и пищали, и, как выяснила Ада, чем больше шикаешь на них, тем громче они кудахчут. Она подумала, что они наверняка голодные, поэтому на второй день раскрошила несколько крекеров из своих запасов, побросала крошки в ящики и смотрела, как куры клюют их. Это их немного успокоило. На третий день Ада снова покрошила им крекеры и слушала их довольное курлыкание. На четвертый день она поделилась с ними кусочком сахарного яблока, позаботившись сперва вынуть косточки. На пятый она вскрыла консервы с сардиной и после того, как съела большую часть, слизывая рассол с кончиков пальцев, скормила остатки курам. К шестому дню вся еда, что она взяла с собой, закончилась, и единственное, что она могла им дать, — это заверение, которое всегда давала ей мать: «На все воля Божья». Надо было в это верить.

Как только корабль причалил, все бросились на выход. Ада подождала, пока часть толпы рассеется, но даже когда она встала, то никто, слава богу, не обратил на нее ни малейшего внимания. Люди были слишком заняты, собирая вещи и напряженно всматриваясь, чтобы увидеть за парусниками и растущими вдоль берега пальмами, какая из себя Панама, к которой они так стремились. Аде та часть города, которую ей удалось разглядеть за пристанью, во многом напоминала Бриджтаун*: те же ряды двух- и трехэтажных

* Бриджтаун — столица Барбадоса. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

деревянных зданий, выходящих фасадами на главную улицу, магазины с навесами и здания с вывесками, — и то, что все это казалось таким знакомым, одновременно обескураживало и успокаивало.

Прижимая к себе мешок, Ада вместе с остальными пробиралась к левому борту. Сзади ее брюки были влажными, но эти брюки, сшитые мамой, хорошо помогали ей затеряться в толпе, состоявшей в основном из мужчин. За все это время она видела лишь несколько женщин, и все они были старше ее. Также Ада надела в дорогу ботинки, черные кожаные ботинки, которые ей подарил человек по имени Уиллоуби Далтон, ухаживавший за ее мамой весь последний год или около того. Время от времени, обычно по воскресеньям, когда он знал, что они будут дома, Уиллоуби подходил, прихрамывая, к их двери с новым подношением в руках — полевыми цветами, плодами хлебного дерева или глиняной мисочкой. Несколько месяцев назад он принес пару черных ботинок. Ботинки были стоптаны на каблуках, а шнурки обтрепались, но, когда Уиллоуби протянул их Аде, мама взяла их и сказала: «Спасибо», как говорила каждый раз, когда Уиллоуби приходил с подарком. А Уиллоуби каждый раз отвечал: «Всегда пожалуйста» — и продолжал стоять на крыльце, словно ожидая, когда его пригласят войти. Раз за разом повторялся этот неуклюжий танец. Мама кивала и закрывала дверь, и только после этого Уиллоуби разворачивался и шел домой.

Канаты, тянувшиеся вверх по мачтам, хлопали на ветру, и люди пихались и толкались. Когда Ада подошла к трапу, она спряталась за спину мужчины, несшего складной стул, надеясь, что стул защитит ее

от двух белых офицеров, находившихся на причале. Они кричали у подножия трапа:

— Рабочий поезд! Рабочий поезд вон туда! — И показывали в сторону города.

Люди потоком сходили с корабля, направляясь, куда указывали офицеры, и Аде казалось, что лучший способ остаться незамеченной — это просто не отставать от людей. Она проделала такой путь, но ей все еще грозила опасность: кому-нибудь из офицеров могло показаться подозрительным, что юная девушка путешествует одна, и, если они отведут ее в сторонку и узнают, что она безбилетная, они почти наверняка водворят ее обратно на корабль и отправят домой. Ада спустилась на пирс, прижимая к груди мешок, и прошла мимо офицеров. Даже из-за складного стула она расслышала их разговор. Один из них сказал другому:

— Передай капитану, что груз прибыл.

Ей было всего шестнадцать, но она знала достаточно, чтобы понять, что речь идет не о почте.

Когда Ада вошла в поезд, представлявший собой в действительности не что иное, как вереницу открытых деревянных вагонов для скота, он был битком набит пассажирами с корабля, людьми с чемоданами, корзинами, растениями и ящиками. Она протиснулась в дальний угол вагона и ухватилась одной рукой за поручень. Другой она придерживала свой мешок. Помимо сардин, крекеров и яблок в сахаре, у нее с собой было два комплекта нижнего белья, платье, флакончик миндального масла для укладки волос, лоскутное одеяло, которое она взяла со своей кровати, и три золотые кроны. Она жалела, что не захватила

побольше еды, но было уже поздно. Ее мама всегда говорила, что ум у нее обгоняет здравый смысл, и, стоя в поезде, Ада улыбнулась, мысленно услышав, как мама распекает ее в своей манере. Мама, без сомнения, уже прочла ее записку, и Ада отчетливо представила ее тон — гораздо более суровый — в связи с тем, что она вот так взяла и уехала одна в Панаму, пусть у нее и была на то веская причина.

Ее сестра Миллисент болела, и ей требовалась операция, на которую у них не было денег. Доход ее мамы, работавшей швеей, был небольшой, и Ада сама бы устроилась, да только в те дни на Барбадосе работу найти было трудно. Зато все говорили, что в Панаме найти работу не труднее, чем срывать яблоки с веток. Если все могут пойти и сорвать их, подумала Ада, почему бы и ей не попробовать? Она пробудет здесь ровно столько, сколько понадобится, чтобы заработать денег на операцию Миллисент, а потом вернется.

Когда поезд тронулся, Ада стала всматриваться в лица окружающих ее молодых людей, одетых в костюмы, и все они выглядели такими же напряженными и выжидающими, как и она сама. Миновав город, поезд прогрохотал по низкому мосту и сквозь густую листву деревьев, а затем выехал на поле, достаточно широкое, чтобы вдалеке можно было рассмотреть темно-зеленые горы. Когда он с грохотом остановился возле небольшого городка, из него выскочила горстка людей и направилась к группе деревянных каркасных зданий, возведенных на сваях. Из вагона выглянул человек в пиджаке с рукавами, сильно не достававшими до запястий, и сказал, ни к кому не обращаясь:

— Это тута нам жить?

На это рассмеялся человек в запачканных штанах цвета хаки и синей рабочей рубашке.

— А ты чего ждал? Гранд-отеля?

Человек в коротком пиджаке указал на дома по другую сторону рельсов, ряд аккуратных зданий, выкрашенных в белый цвет с серой отделкой, и спросил, разве нельзя им там разместиться.

Мужчина в рабочей одежде снова усмехнулся.

— Энти дома золотые, — и указал на базу, — а нам жилье серебряное.

Человек в коротком пиджаке взглянул на него с озадаченным видом, и тот ему ответил, разве он не знает? В зоне канала, что ни возьми: лавки, вагоны, столовые, жилье, больницы, почта и зарплата, — все делится на серебряное и золотое. Золотое для американцев, а серебряное для них.

В каждой новой деревне и городке прыгивало все больше людей. Поезд почти опустел. Ада не представляла, куда направляется. В какой-то момент стоявший рядом мужчина чуть наклонился к ней:

— Ну а вы чего? Есть где ночевать? На базу только белых женщин пускают, знаете?

Ада крепче сжала мешок.

— Но у меня найдется местечко, — мужчина хлопал себя по бедру, — голову вам преклонить.

Ада повернулась к нему:

— Я скорее в аду прилягу.

Она отпустила поручень и перешла на другую сторону вагона, а когда старший кондуктор громогласно объявил следующую остановку — Империя, — она тут же прыгнула с поезда.

Другие мужчины, также сошедшие на остановке, направились мимо Ады к базе. Если ее и в самом деле туда не пустят, как ей сказали, тогда ей придется устроиться под деревьями. Завтра она попробует найти работу, но сейчас она так вымоталась, что не хотела ничего, кроме как прилечь и отдохнуть. Дома они с Миллисент и мамой делили одну спальню в задней части дома, и у каждой был свой матрас, набитый шелухой, на раме, сооруженной мамой. Вот бы сейчас лежать на такой кровати, думалось ей, вытянувшись во весь рост, закинув руки за голову и расправив пальцы ног. Однако ей придется довольствоваться одеялом, расстеленным на земле, если для этого найдется достаточно просторная прогалина.

Войдя в лес, она почувствовала прохладу, и воздух наполнился признаками жизни. Ада слышала, как что-то скользит, похрустывает, посвистывает и постукивает. Повсюду, где она проходила, мягкую землю покрывали ветки и мох, цветущие кусты и стволы деревьев. Она раздвигала заросли и видела лужи и слякоть. Нигде ей не попадалось сухой прогалины. День клонился к закату, и она так устала, что ей уже хотелось просто повалиться в кусты, как вдруг она заметила среди деревьев что-то наподобие товарного вагона. Проржавелый и покрытый плесенью, едва видимый за виноградными лозами и завесой густого кустарника, задние колеса утопали в грязи, и весь он был перекошен. Какое-то время Ада стояла и пыталась рассмотреть, нет ли кого поблизости, но слышала только зверушек, шелестевших листвой. Она подошла поближе и позвала:

— Эй?

Не услышав ответа, она направилась к дверному проему, вровень с ее головой, и снова позвала. Затем протянула руку и три раза постучала об пол. Опять ничего.

«Что ж, на все воля Божья», — подумала она, забралась внутрь и устроилась на полу.

Утром Ада проснулась от шороха и стрекота насекомых. Она медленно села и огляделась, вспоминая вчерашний день. В щели между досками проникали солнечные лучи, давая достаточно освещения, чтобы разглядеть вагон изнутри. Но разглядывать было почти нечего, кроме паутины и ворохов листьев.

Ада спала в одежде, в которой сошла с корабля, и теперь, в сыром, спертom воздухе, та сделалась такой влажной, что липла к коже. Из мешка, лежавшего рядом с ней на полу, Ада достала платье, которое привезла с собой, — лоскутное платье в коричневую и желтую клетку, сшитое мамой, — и переделалась в него. Она встала, одернула рукава на запястьях, разгладила складки на бедрах. Обулась, поплевала на ладонь и присела стереть грязь с ботинок. Затем подняла с пола мешок. Сухое платье и чистая обувь — это хорошее начало. Теперь оставалось найти еду и работу.

В лесу моросил дождик. Воздух понизу подернулся дымкой. «Где-то здесь, — думала Ада, — должна быть еда». При свете дня она разглядела то, чего не заметила прошлым вечером: с ветвей свисали виноградные лозы и ползучие растения, листья, похожие на клинки, переплетались с папоротниками. Все вокруг было ослепительно-зеленым. Оливково-зеленым,

нефритово-зеленым, изумрудно-зеленым, лаймово-зеленым, зеленым, меркнувшим в тених, зеленым, подсвеченным солнцем. Она шла через зеленые занавеси и по зеленым коврам, надеясь увидеть что-нибудь знакомое — хлебное дерево, хвойник или папайю, — чем можно подкрепиться. Она слышала, что в Панаме полно бананов, и всматривалась в кроны деревьев, стараясь разглядеть их. Дома было проще. Дома Ада знала, на каких деревьях растут фрукты и на каких кустарниках ягоды такие спелые, что лопаются во рту. В огорожке за домом они выращивали кукурузу, маранту, маниоку и травы и ели то, что вырастили сами, а иногда обменивались чем-нибудь с соседями, и самый выгодный обмен бывал, когда мама отдавала початки кукурузы за вишни, которые выращивала миссис Каллендер у себя во дворе, — таких сладких и сочных на всем Барбадосе не сыщешь, утверждала миссис Каллендер, — и, когда Ада их ела, она признавала ее правоту. При мысли об этих вишнях у Ады потекли слюнки. В этом лесу должно быть что-то съедобное, и она наверняка это найдет, если искать достаточно долго, но у нее урчало в животе, платье, бывшее недавно таким приятным на ощупь, теперь промокло от дождя, ботинки снова запахло, и Ада стала терять терпение, что, по словам ее мамы, было одной из худших ее черт, говорившей о том, что Ада никогда не ждала достаточно долго, чтобы все разрешилось само собой.

В городе бурлила жизнь. Ада перешла на дальнюю сторону железнодорожных путей, разделявших Империю надвое, и пошла по мощеным улицам американской стороны, думая, что с большей

вероятностью увидит объявления о работе на этой стороне, и одновременно высматривая еду. Флаги, свисавшие с балконов и реявшие на ветру, напоминали ей, кто здесь главный. Она впервые видела флаг Соединенных Штатов воочию, хотя один раз встречала его изображение в атласе в школе для девочек, куда ходила вдвоем с Миллисент. Именно в этом атласе, огромной брошюре, прошитой нитью, Ада впервые увидела карту Барбадоса. Если карта Соединенных Штатов занимала целый разворот, то весь Барбадос умещался в нижней половине левой страницы. До этого Аде и в голову не приходило, что Барбадос меньше любой другой страны в мире. Но, увидев это, она не могла не задуматься, каково было бы оказаться где-нибудь еще. Насколько она знала, все в ее семье родились на Барбадосе и всю жизнь на нем прожили. Вскоре после рождения Ады ее мама ушла с сахарной плантации, на которой жила с детства, и историю об этом она множество раз рассказывала Аде и Миллисент — с неизменной гордостью. Каждый раз, когда Ада слышала ее, у нее возникала одна и та же мысль: мама могла уехать куда угодно. Уйдя с плантации, она могла уйти пешком на другой конец Барбадоса или уплыть на другой конец света. Но в тот момент, когда перед ней открывались такие возможности, когда могло произойти все что угодно, мама ушла не дальше чем за пределы официальной границы Бриджтауна и снова плюхнулась на землю. Пусть она переступила черту, но лишь одним пальцем. Она жила в своем маленьком мирке, и вот по прошествии всех этих лет у мамы не было ничего, кроме этого мирка, не было даже никакой мечты, насколько знала Ада.

По улице, застроенной двухэтажными зданиями и магазинами, двигались под моросящим дождем экипажи и повозки, запряженные мулами, и семенили пешеходы. Женщины были под парасольками, а мужчины — в шляпах. У Ады не было ни того ни другого, а волосы, хоть и собранные, по обыкновению, в пучок, она не потрудилась поправить после сна, что в сочетании с дождем, подумала она с улыбкой, придавало ей, должно быть, страхолюдный вид. В детстве у нее всегда было грязное платье и ссадины на локтях, и волосы она расчесывала только по воскресеньям, перед тем как пойти в церковь, и вовсе не потому, что думала, будто Богу есть до этого дело, а потому, что так велела мама.

К тому времени, как Ада миновала типографию, парикмахерскую и кузницу, дождь прекратился. В животе у нее заурчало. Где-то здесь должен был находиться рынок, возможно, по другую сторону железной дороги. С мешком в руках она остановилась посреди улицы, раздумывая, не поискать ли ей рынок на той стороне, как вдруг ей свистнул мужчина, стоявший у входа в переулок. Она уже хотела отвернуться, но он указал на стоявшую рядом тележку, нагруженную фруктами.

— Папайя, манго, ананас, маммeya! — произнес мужчина нараспев, когда она подошла к нему. Он взял манго и поднял над головой.

Ада была так голодна, что могла бы съесть все, что лежало на тележке, а в тени переулочка она увидела столько ярких, налитых фруктов, что невольно облизнулась.

— Вы сказали маммeya? — спросила она. — Американская маммeya?

Мужчина положил манго и взял фрукт, заостренный с одного конца, с коричневой шершавой кожурой.

— Маммея, — повторил он.

Фрукт определенно походил на американскую маммею. На Барбадосе они еще не созрели, но каждый год с приходом апреля Ада ждала их с нетерпением. Мама замачивала мякоть в соленой воде, чтобы отбить горечь, и они с Миллисент либо ели их так, либо мама делала из них повидло.

— Почему одна? — поинтересовалась Ада.

— ¿Quieres?*

— Сколько стоит?

Но мужчина ей только улыбнулся.

Ада опустила мешок на землю и нащупала монеты, которые взяла с собой. Три кроны из мамино тайника. Однажды Ада обнаружила их, шаря по дому, и каждый раз, как проверяла, они не убавлялись. Возможно, мама откладывала эти деньги, но Ада взяла их с собой, веря, что очень скоро все вернет и еще добавит. Ада вытащила одну монету и показала мужчине. Крона — это слишком много для одного фрукта, но в тот момент ей было все равно. Она должна была поесть хоть что-нибудь. Ей казалось, она уже чувствует вкус маммеи, чувствует, как ее сок течет по деснам.

Мужчина взял монету и, зажав двумя пальцами, перевернул туда-сюда, изучая. Он одобритительно кивнул, сунул монету в карман и протянул Аде фрукт.

Ада тут же счистила ногтями толстую кожуру и впилась зубами. Мякоть была такой нежной, что Ада чуть не расплакалась. Она вгрызалась в маммею,

* Хочешь? (исп.)

продолжая стоять у самого переулка, с мешком в ногах, а мужчина смотрел на нее. Она объела всю мякоть до самой косточки и стала жадно обсасывать и ее. Затем бросила косточку на землю и вытерла рот тыльной стороной ладони.

Мужчина, стоявший возле тележки, смотрел на нее как замороженный.

Ада усмехнулась ему.

— Спасибо, — сказала она и подняла с земли мешок.

Теперь, заполнив пустоту в желудке, она почувствовала себя лучше. Она подумала, что при первой возможности напишет письмо и найдет способ отправить домой. Если мама переживала, в чем Ада не сомневалась, письмо должно было успокоить ее. Если же мама злилась, в чем Ада также не сомневалась, с этим она мало что могла поделать.

За восемь месяцев до того, как Ада Бантинг поднялась на борт почтового судна, унесшего ее вдаль от дома, в котором прошло все ее детство, Мэриан Освальд с мужем Джоном Освальдом с готовностью взошли на борт парохода «Юнайтед фрут компани», державшего курс из Нью-Орлеана в Панаму. До парохода Мэриан с Джоном проделали путь пассажирским поездом из Брайсон-Сити, штат Теннесси*, в окрестностях которого проживали, и большую часть дня Мэриан сидела, сложив руки на коленях, и радостно смотрела на мир, проносившийся за окном, а Джон рядом с ней читал. В поезде был оборудован вагон-ресторан с накрахмаленными белыми скатертями, а также вагон-бар с двумя служащими, убеждавшими непьющего Джона выпить виски с содовой и неслабо удивившимися, когда он заказал вместо этого только содовую. А в третьем вагоне Джон воспользовался случаем — и носильщик-негр начистил ему ботинки; Мэриан убеждала его дать чаевые, но Джон сказал:

— Он делает свою работу. Человека не следует вознаграждать за то, что он делает то, что положено.

У Мэриан с собой не было денег, но она подумала, что, если бы были, она бы не преминула сунуть носильщику монету-другую.

* Брайсон-Сити находится в штате Северная Каролина.

На корабле их ждала не меньшая роскошь. Пароход, из числа тех, которые впоследствии станут известны как «Великий Белый флот», перевозил в трюмах тридцать пять тысяч гроздьев бананов и пятьдесят трех пассажиров в каютах наверху. Освальды остановились в каюте, достаточно просторной для двух односпальных кроватей с туалетным столиком между ними и двумя окнами, из которых открывался вид на бескрайний океан, однако Джон задернул маленькие занавески — он считал, что от вида волн, то вздымающихся, то опадающих, им наверняка станет плохо. Но закрытые занавески не помогли. Точнее сказать, помогли Джону, но не Мэриан. Мэриан впервые в жизни оказалась в морском путешествии, и почти все пять дней ее тошнило в жестяное ведро, которое смотревший за ней судовой врач периодически выливал за борт. Врач приносил ей воду, но Мэриан не могла заставить себя выпить ее. Ей хотелось сказать ему, что воды с нее и так достаточно. Ей отчаянно хотелось увидеть сушу. Когда раздался сигнал о том, что они приближаются к панамскому побережью, Мэриан прониклась небывалой благодарностью судьбе.

Остальным же пассажирам вид портового города Колона, очевидно, не внушал положительных эмоций. Мэриан и сама не знала, чего ожидать, но, выйдя на палубу, увидела вдалеке ряд бурых деревянных зданий и людей, прохаживавшихся по улице: мужчины несли бревна на плечах, а женщины — корзины с фруктами на головах. Полуодетые дети сидели на корточках. Там же были ослы и повозки, запряженные мулами, бесхозные куры и бродячие собаки. Вода у пирса была такой же бурой, как и все вокруг. До слуха Мэриан донеслось, как одна женщина назвала

это место «удручающим попури». Что показалось ей несправедливым. Главным, что чувствовала Мэриан, было любопытство, и единственное, что беспокоило ее, когда они встали на якорь, — это зловоние донельзя влажного воздуха. Едва она почувствовала этот запах, как ее стошнило за борт корабля. Джон, стоявший рядом, взглянул на нее и нахмурился. Ей хотелось, чтобы он предложил ей носовой платок, но он этого не сделал, и ей пришлось вытереть рот рукой.

Рыжеволосый морпех из Луизианы, с которым Джон подружился за время плавания — по словам Джона, они играли в шашки, пока Мэриан нездоровилось, — стоял с ними у поручней корабля. Он сказал:

— Да ведь мы в болото приплыли!

Джон кивнул:

— Совершенно верно. И мы его вычистим.

Освальды спустились с корабля и поехали в экипаже. Со временем они усвоят, что перемещаться вдоль канала лучше всего поездом, но в тот день, день своего прибытия, они воспользовались экипажем. Две запряженные серые лошади были истощены и слабы, и погонщик, панамский мальчик, то и дело стегал их словно в наказание, а не для того, чтобы заставить идти быстрее. Мэриан сжималась при каждом ударе хлыста. В Теннесси у Освальдов было два великолепных жеребца, которых они держали в конюшне у себя в имении. То был свадебный подарок от отца Джона, считавшего, что каждый мужчина должен уметь ездить верхом. На свадьбе его отец, смеясь, рассказал собравшимся, что в детстве Джон не проявлял особого интереса к тому, чтобы освоить верховую езду: как держаться в седле, как переходить на легкий галоп

и скакать во весь опор. «Этот недостаток я намерен исправить». Но, даже став владельцем лошадей, Джон ими почти не занимался. Зато Мэриан каждый день ходила в конюшню, чистила их скребницей и кормила яблоками в знак поощрения. Она назвала их Гораций и Чарльз, в честь писателей, которых любила, и, если не шел проливной дождь, она что ни день седлала то одного, то другого и объезжала пышные зеленые просторы, принадлежавшие Освальдам, в обрамлении гряды Грейт-Смоки-Маунтинс*. Катаясь верхом, Мэриан чувствовала себя свободной, пусть она никогда и не выезжала за границы их надела.

Вскоре после того, как у них появились лошади, Мэриан уговорила Джона прокатиться с ней верхом — в первый и последний раз. Было раннее утро, и солнце подсвечивало облака. Как только лошади перешли на рысь, Джон потерял равновесие и упал навзничь на землю. Чарльз — конь, на котором он ехал, — проскакал еще немного и остановился.

Мэриан развернула Горация и спешила, держа поводья в одной руке. Очки Джона валялись на земле, она подняла их, опустилась рядом с ним на колени и спросила, в порядке ли он. Она боялась, не сломал ли он себе чего-нибудь, и позже врач, осмотревший его, подтвердил, что у Джона сломаны два ребра. Однако в тот момент Джон ей сказал только: «Мои очки, пожалуйста», а затем, когда она подала их ему, отвел взгляд, словно смутившись.

* Великие Дымчатые горы (англ. The Great Smoky Mountains) — национальный парк, расположенный в центральной части одноименного хребта горной системы Аппалачи, природный объект Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Мэриан проводила его домой. Он медленно шел рядом, а она вела за поводья Горация с Чарльзом. Ни Джон, ни она не разговаривали. Заведя лошадей в конюшню, Мэриан отправилась в спальню, куда ушел прилечь Джон.

— Где болит? — спросила Мэриан.

Он указал на грудь.

— Можно мне? — Мэриан протянула руку к пуговице на его рубашке. К тому времени они были полгода как женаты.

Джон кивнул.

Стоя над ним, Мэриан расстегнула все пуговицы и осмотрела его. Она не привыкла видеть его обнаженную грудь, особенно при свете дня. Обычно Джон спал в нижнем белье, укрывшись от шеи до лодыжек, и, следуя примеру мужа, она тоже спала одетой. Каждую ночь, когда Джон гасил лампу и они лежали рядом в темноте, Мэриан ждала, чтобы его руки нащупали ее, расстегнули ночную рубашку и сделали то, что положено делать мужу с женой, все то, чего Мэриан так отчаянно хотела от него, но Джон только поворачивался на бок и приобнимал ее одной рукой, ни разу не попытавшись куснуть ее за ухо или провести пальцами по шее. Она ждала этого ночь за ночью. Так проходили недели. Месяцы. Однажды ей надоело ждать, и Мэриан сама повернулась к нему, запустила пальцы под воротник рубашки и нащупала нежную тонкую кожу горла. Так у них и повелось, и, если иной раз она запускала руку ему между ног, ей удавалось пробудить его интерес настолько, чтобы он овладевал ею в каком-то слепом порыве, сплошь натиск и скорость, словно он стремился к некой финишной черте, и в нем внезапно проявлялась грубость,

возбуждавшая ее. Они становились бурей в ночи, метались и бушевали, но очень скоро все заканчивалось, и сразу после этого Джон перекатывался на свою половину кровати.

В тот день, когда Джон упал с лошади, Мэриан не увидела у него синяков. Тем не менее она сходила и принесла из ванной марлевый рулон. Она просунула руку Джону под поясницу, пропустив ткань, и обернула вокруг его торса.

Он поморщился.

— Болит? — спросила она.

Джон поднял взгляд, но не на нее. Все то время, что она его знала, в нем всегда было что-то непроницаемое, что-то, остававшееся скрытым от нее.

— Нет, — сказал он наконец. И добавил: — Извини.

Мэриан молча и бережно обвязала его марлей, достаточно туго, чтобы, как она надеялась, исцелить возможную травму.

Экипаж остановился у подножия холма. О том, чтобы лошади одолели подъем, не могло быть и речи, так что Джону и Мэриан пришлось выйти на самое пекло и проделать остаток пути пешком. Их сумки кто-нибудь принесет позже, во второй половине дня.

Они пошли по дорожке, протоптанной в траве, мимо банановых и лаймовых деревьев с маленькими усатыми соцветиями. Между деревьями виднелись разбросанные по всему склону холма грубые лагучи с некрашеными стропилами, выглядывавшими из-под соломенных крыш. У некоторых перед входом стояли бочки с водой, а на палках, воткнутых в землю, висела одежда. Во дворе одной из них стоял

темнокожий мужчина в комбинезоне, наблюдая за проходившей мимо парой.

— Давай быстрее, — сказал Джон Мэриан. — Вон наш дом.

Он указал на вершину холма, где одиноко стоял большой белый дом, залитый солнцем. Двухэтажный, с широкой застекленной верандой, которая тянулась вдоль фасада и огибала его по бокам.

— Это слишком, — сказала Мэриан.

Джон сказал:

— Это наш собственный дом на холме. — Теодор Рузвельт, которым Джон восхищался, называл так свой дом в Ойстер-Бее. — Наш райский уголок, вознесенный над всем остальным.

Вечером, после того как Джон получил телеграмму с просьбой прибыть в Панаму, Мэриан увидела его за домом, пристально смотревшим на серо-голубые горы, изборозжденные теньями. Она подошла к нему. Стрекотали сверчки, наяживая лапками, и остывший воздух был приятно сухим.

— Меня зовут в Панаму, — сказал Джон. Он не повернулся к ней.

Джон давно жил в ожидании этого призыва. Мэриан понимала, что это только вопрос времени.

Она тоже посмотрела на горы. Ее детство и юность прошли в Теннесси, из четверых детей в семье она одна прожила больше пяти лет. Ее мать была чопорной женщиной, поддерживавшей порядок в доме, и единственное удовольствие, какое она позволяла себе, — это жевать по вечерам корень лакрицы, пока он не размякнет. Отец, с кем Мэриан ладила лучше, был лесорубом и часто брал ее с собой на прогулки

вдоль реки, показывая деревья: гикори, дуб, тополь, ель, пихту. По вечерам, когда ей следовало заниматься рукоделием, которому ее учили в школе, она вместо этого проводила часы при свечах, читая альманах, единственную книгу, кроме Библии, имевшуюся в родительском доме. Ее родители умерли много лет назад, но Мэриан до сих пор любила тот край, горный лавр, цветущий в июне, рододендроны, разрастающиеся по обочинам дорог, бродячих лосей и вездесущий болиголов.

— Официально я буду руководить лабораториями Санитарного управления, но мне дадут полную свободу действий, чтобы заняться малярией и наконец искоренить ее. Как они справились с желтой лихорадкой. — Джон сделал паузу. — Ты ведь знакома с наукой, Мэриан. Что ты думаешь? Можно этого достичь?

Джон, как она знала, вот уже несколько лет завистливо наблюдал со стороны, как другие люди брали под контроль желтую лихорадку в Панаме. И он был прав: она изучала исследования и отчеты.

Она повернулась к нему:

— Не вижу, почему бы нет.

Джон кивнул, не сводя глаз с деревьев. Ей были знакомы очертания его профиля — линия носа, резкий подбородок.

Они были женаты уже десять лет. Они познакомились в Ноксвилле, куда Мэриан приехала изучать ботанику в Женском институте. Стремясь внести свой вклад в оплату обучения, она устроилась на подработку. В то время в Теннесси был лесной бум. По всем Аппалачам валили деревья, и звук, который они издавали при падении, этот ужасный «бум», сделался в ушах людей словом, означающим что-то хорошее.